

Восточная Азия как региональная цивилизация

Введение

Данная работа является попыткой рассмотреть Восточную Азию как региональную цивилизацию, устойчивые свойства которой сформировались в традиционный период. Особое внимание уделяется Китаю, Японии, а также Корее. Отличительной особенностью исторического опыта этих стран является то, что в отличие, например, от Юго-Восточной Азии, у них отсутствовал прямой доступ к альтернативным формам политической культуры, что определило логику их развития и одновременно позволило развить более устойчивые механизмы воспроизводства. Главным недостатком современных региональных исследований, и в частности работ, посвященных восточноазиатскому региону, является их внимание к различным его аспектам, таким как экономическим, политическим или культурным, без объяснения взаимосвязей [13, p. 1–27]. Попытки увязать их через проекты "устойчивого развития" [3, p. 17–29] или через постмодернистскую критику доминирования не позволяют понять внутренней логики региона, навязывая извне несвойственные ему характеристики [7, p. 28–71].

Теоретической основой работы являются идеи системности, развитые в трудах чилийских биологов Матурана и Варела [11, p. xxii], английского математика Спенсера Брауна [2, p. 1], немецкого социолога Никласа Лумана [10] и русского этнографа С. М. Широкогорова [14, p. 35]. В этом отношении целостность восточноазиатской цивилизации заключается в её динамическом равновесии между центробежными и центростремительными силами по отношению к китайской модели централизованной государственности. Баланс синопотрической системы поддерживался через её внешнюю экспансию и встречное сопротивление со стороны стран периферии, что позволяло адаптировать её к местным условиям Кореи и Японии. Усиление одного из процессов в разные периоды истории приводило или к потере адаптивности, или к усилению центробежных сил с угрозой последующей фрагментации. Следовательно, стабильность региона зависела от способности поддерживать этот баланс в традиционный и современный периоды.

Формирование восточноазиатской цивилизации

Цивилизация Восточной Азии сформировалась в традиционный период как система общих устойчивых свойств, возникших в результате длительного взаимодействия по отношению к китайской модели централизованного государства [1, с. 457–468]. Расширение влияния Поднебесной на периферию в рамках трибутарной системы были одним из механизмов поддержания внутренней легитимности императорской власти через способность распределять "варваров" в международной иерархии или исключать из нее в зависимости от их способности воспринимать китайскую культуру. Чем больше вассалов проявляли лояльность Императору, тем легитимнее становилась его власть внутри, и наоборот, чем меньше правитель мог контролировать периферию, тем больше это свидетельствовало о его политической слабости. При этом внешняя экспансия Китая вынуждала периферию заимствовать его политическую культуру и одновременно сопротивляться ей. В частности, под давлением Поднебесной, а также в силу отсутствия альтернативных моделей государственности для централизации власти Корея и Япония должны были

опираться на китайский опыт и влияние. Внутренняя легитимность корейских и японских правителей зависела от их способности сохранять политическую автономию в рамках синоцентричного миропорядка, что вынуждало их сопротивляться влиянию Китая с помощью адаптированной к местным условиям китайской культуры.

Традиционная государственность Китая строилась вокруг тотальной власти императора и её нейтрализации через неформальные институты. В до-имперский период распределение власти проходило строго по линии кровного родства в рамках аристократических семей, что автоматически исключало другие социальные группы из политической борьбы, обеспечивая социальную стабильность. Однако формирование централизованного государства означало, что право на верховную власть перешло от аристократии к императору, легитимность которого зависела не от крови, а от "небесного мандата" (*тяньмин*), которым теоретически мог обладать любой житель империи. В итоге сформировалась особая политическая система, направленная на максимальную политическую мобилизацию общества. С позиции императора подобная "демократичность" превращала абсолютно всё без исключения население Китая в потенциальных врагов императорской власти [35, p. 272–282]. Именно логика сохранения "небесного мандата" предоставляла императору неограниченное никакими конфуцианскими нормами морали или законами право тотального насилия против любого человека или социальной группы, а также их использования в государственных целях, произвольно определенных верховной властью [4, p. 79].

Китайское общество разработало механизм нейтрализации (*цзыжань-хуа*) абсолютной власти императора через негосударственные институты. В ответ на действия верховной власти местные социальные группы теоретически имели возможность активизировать неформальные горизонтальные и вертикальные связи (*гуанси*) для защиты своих интересов. В целом механизм централизации позволял сохранять равновесие и гибкость всей системы, так как сопротивление тотальной власти было своеобразной формой адаптации государственной политики к местным условиям. Практической реализацией императорских указов занимались местные власти, которые одновременно представляли императорский двор на местном уровне в рамках централизованной бюрократии, при этом будучи связанными сетью родственных, религиозных или земляческих отношений с населением данной территории. Это давало последним возможность по своему усмотрению контролировать практическую реализацию императорских указов с помощью неформальных институтов. Другим способом нейтрализации была активизация тех же связей только по вертикальному принципу через людей, которые до этого были мобилизованы в бюрократическую иерархию через систему государственных экзаменов. В ответ на действия центральной власти вверх направлялся запрос по неформальным каналам вплоть до императорского двора с целью убедить императора отменить указ, который ставил местное население в невыгодное положение [4, p.10].

Китайская государственность была максимально непригодна для природных и социальных условий Кореи и Японии. Необходимость централизации власти по китайскому образцу входила в противоречие с местными политическими, экономическими и географическими особенностями, что предопределило дальнейшую историю этих стран, а также и взаимоотношения друг с другом и Поднебесной. Попытки реализации именно китайской модели наталкивались на отсутствие экономического базиса централизованной иерархии. Как справедливо указывал еще Карл Виттфогель, в Китае ирригационные системы, замкнутые на две великие реки Янцзы и Хуанхэ, были главными источниками воды для сельского хозяйства и требовали наличия централизованного бюрократического аппарата для их обслуживания. На корейском полуострове и японских островах не существовало необходимости централизованного распределения водных ресурсов для сельскохозяйственных нужд из-за наличия большого количества маленьких рек, а также дождевой воды. Следовательно, централизованная власть китайского типа не могла опереться на стабильный экономический базис, который больше подходил для развития самодостаточных местных общин с высокой степенью политической автономии [16, p. 197–200].

Адаптация государственности китайского типа к местным условиям привела к противоположным результатам в Корее и Японии. Корея является примером "успешной" реализации китайской модели, а Япония – это пример "неудачной" реализации. Главной причиной подобных различий является особенность китайского влияния на политические процессы в обеих странах. Корейская государственность в традиционный период развивалась как противоречие между попыткой навязать централизованную власть сверху и сопротивлением ей на местном уровне. По этой причине попытки создать внутренний источник легитимности, например, по праву рождения в рамках костной системы рангов (*кольпхум*) в государстве Силла не получила дальнейшего развития. Успешная централизация сверху стала результатом участия Поднебесной в качестве внешнего источника легитимации. Китайские военные вторжения на Корейский полуостров вынудили местных правителей принять вассальный статус. Кроме этого, монгольское вторжение в Корё значительно ослабило влияние военного сословия, сделав бюрократию главной политической силой в построении централизованного государства. В результате именно китайские военные вторжения или их угроза позволили отдельным региональным кланам захватить власть и объединить страну, а также поддерживать легитимность, несмотря на сохраняющиеся противоречия и отсутствие экономического базиса [15, p. 29].

Развитие японской государственности также проходило в форме сопротивления китайскому влиянию, но с противоположным результатом. Поражения коалиции государств Пэкчэ и Ямато против Империи Тан и Силла в битве при реке Пэккан (663 год н.э.) вынудило аристократические кланы Японии активизировать процесс централизации власти с целью мобилизации внутренних ресурсов для отражения возможного китайского вторжения на свою территорию. Однако отсутствие реального военного нападения китайских войск на японские острова позволило правителям Ямато, в отличие от Кореи, отказаться от внешней легитимации со стороны Поднебесной и использовать внутренние ресурсы для создания централизованного государства китайского типа. Основой будущей системы стал император Японии (*тэнно*), который выполнял две главных функции. "Небесный хозяин" стал символической защитой от китайского влияния, так как его "божественное" и псевдо-внешнее происхождение позволяло иметь прямой доступ к сакральному и тем самым легитимировать верховную власть в обход китайского императора [22, p. 66].

Дальнейшее создание псевдо-внешних источников легитимации власти помогало решать проблему несоответствия экономического базиса Ямато и государственности китайского типа. Отсутствие экономической основы превращало централизованную иерархическую организацию государства (*рицурё*) в паразитическую надстройку, которая использовала общественные ресурсы для собственного воспроизводства, не создавая взамен полезной работы [27, p. 135–145]. Это усиливало сопротивление и саботаж со стороны разных социальных слоев от аристократических кланов, до крестьянских общин. Для решения данной проблемы императорская власть создавала параллельные источники власти внутри страны.

Например, первой операцией создания псевдо-внешней легитимации было разделение правящего клана Ямато на императорский и на ведущие аристократические кланы, тем самым строго определяя линию преемственности верховной власти. Для решения проблемы экономической неэффективности управления сельскохозяйственными землями центральная власть передавала их в частное владение (*сёэн*) местной аристократии. В качестве противовеса усиливавшемуся влиянию местных аристократических кланов, Император приглашал иностранную аристократию. Последние приносили с собой новые религиозные культы, такие как буддизм, новые сельскохозяйственные технологии, а также навыки для совершенствования системы государственного управления, тем самым повышая легитимность императорской власти. В конечном итоге разделению подвергся и сам императорский дом, который делился на императоров-затворников (*инсэй*), занимавшихся непосредственным управлением, и фактических императоров, ответственных за ритуальные функции.

Создание псевдо-внешней легитимации разрушило целостность централизованной иерархии. Несмотря на прилагаемые меры, центробежные

тенденции только усиливались внутри вновь создаваемых параллельных источников власти. В итоге правители Ямато прибегли к тактике принуждения через насилие или его угрозу, что в результате возвысило военное сословие. Это привело к возникновению политической системы с двумя центрами власти в виде параллельного правления военного сословия и императора [24, р. 11–21], тем самым создав предпосылки для политической нестабильности, которая продолжалась следующие несколько сотен лет. Основной причиной конфликтов между двумя политическими центрами было то, что военное сословие имело реальную власть, но не имело легитимности, в то время как у императора была легитимность, но не было реальной власти. Похожее противоречие существовало и внутри военного сословия, так как не существовало ясности, почему именно этот клан должен иметь верховную власть. Ситуация осложнялась тем, что потенциально любой участник борьбы за власть мог обратиться за военной помощью к Китаю и объединить страну по корейскому образцу с помощью внешней силы [18, р. 104–109].

Политическая система китайского типа получила стабильные формы только к началу семнадцатого века в рамках сёгуната Токугава (1600–1868 г.). Решение было найдено через соединение централизованной иерархии и псевдо-внешней легитимации в единую политическую и экономическую систему, где Сёгун находился внутри иерархии, а император – "снаружи". Внутренняя иерархическая сторона состояла из четырех каст (*синокосё*): военные, крестьяне, ремесленники и торговцы. Внешняя сторона включала в себя два элемента, находившихся на противоположных полюсах относительно ритуальной чистоты. На одном полюсе находился император, который символизировал "абсолютную чистоту", а на противоположном – каста отверженных (*хинин*), которая символизировала "абсолютную нечистоту". В рамках политической системы периода Эдо император был источником позитивной моральной мотивации, а "неприкасаемые" – негативную мотивацию для соблюдения норм каждой кастой в иерархии. Единство всей политической системы обеспечивалось через присвоение придворных титулов Императором как внутри иерархии, так и среди "отверженных". Присутствие Императора без реальной власти позволяло Сёгуну решить проблему легитимности по контролю над иерархически организованным обществом, а также правом изгонять из иерархии любого человека в касту "отверженных" [17, р. 197–263].

Интеграция региона в процесс формирования мировой капиталистической системы, а также коммерциализация общественной жизни усилили центробежные процессы в Восточной Азии. С XVI в. европейцы расширяли своё присутствие в Тихом океане постепенно вовлекая восточноазиатские страны в торговые отношения, что создавало угрозу как для регионального, так и для внутреннего политического порядка. Экономический аспект синоцентрической региональной системы всегда был её слабым звеном, и попытки встроить торговые отношения в региональный порядок нередко приводили к усилению политической нестабильности. Развитие коммерческих отношений приводило к растущей зависимости государств региона от торговли и одновременно растущей независимости международной торговли от государств. Это противоречие не всегда удавалось разрешать с помощью политических механизмов, что приводило к возникновению таких явлений, как пиратство, которое терроризовало Восточную Азию в течение многих веков, а также искусственному выведению экономики из трибутарной системы в случае с торговлей между Империей Цин (1644–1912 г.) и Сёгунатом Токугава (1603–1868 г.) [12, р. 143–148]. Восточноазиатский регион пытался реагировать на европейское присутствие традиционным способом в форме исключения "южных варваров" из международной иерархии через политику изоляционизма [8, р. 87–88]. Однако это ослабляло адаптивность к внешним вызовам. В итоге Опиумные войны в Китае, "Черные корабли" в Японии в середине XIX в., а также Инцидент у острова Канхвадо (1875 г.) для Кореи [5, р. 87–128] ознаменовали окончательное разрушение традиционного регионального порядка.

Модернизация традиционного порядка

Успешная внутренняя модернизация давала моральное, а следовательно, политическое право устанавливать региональный порядок. Логика модернизации через формирование национального государства требовала от Китая,

Кореи и Японии перенести источник политической легитимности с "сакрального" на понятие "народ". Это позволило переместить требование морального совершенства с правителя в народ и перезапустить традиционный механизм максимальной эксплуатации политического и экономического потенциала социума в современных условиях. А так как совершенству нет предела, то в контексте Восточной Азии это давало государству неограниченную свободу на проведение социальных экспериментов по приведению общества в соответствие с очередным идеалом "гармонии" и национального единства. При этом если китайская традиционная государственность давала возможность нейтрализовать тотальную власть государства через неформальные институты, то национализм нарушал этот механизм, так как теперь именно общество с его неформальными институтами становилось объектом принуждения к идеальному состоянию. Критерий морального совершенства перемещался с китайской классики, которая объявлялась отсталым пережитком прошлого, на способность эффективно воспринимать достижения западной цивилизации в политике, экономике и военной сфере [23, p. 418].

Успешное функционирование политических институтов в традиционный период стало одной из причин неудачной модернизации в Китае и Корее и, наоборот, провал государственности китайского типа в Японии способствовал успешному переходу к современности. Несмотря на попытки модернизации Империи Цин, в Китае так и не была найдена модель перехода к национальному государству. Единственным символом единства была фигура Императора, который одновременно олицетворял иерархическое разделение общества. Логика модернизации требовала отказа от Императора как символа отсталости в пользу "китайского народа". Однако исторически общество представляло собой механизм нейтрализации императорской власти с помощью неформальных институтов, то есть являлось источником децентрализации, позитивный смысл которого был только как противовес централизованной императорской власти. После Синьхайской революции (1911 г.) централизующее начало в китайской политической системе было уничтожено, в результате чего демократия, на которую рассчитывали её идеологи, продолжила своё традиционное функционирование, разрушая единство политической системы [26, p. 28].

Корея столкнулась с похожей проблемой, что и Китай, при попытках модернизации государства Чосон из традиционного в национальное государство, но со своей спецификой. По крайней мере, начиная со второй половины XIX в, под нарастающим давлением западных держав в корейском обществе сформировались два противоположных проекта модернизации, которые условно можно назвать "модернизация сверху" и "модернизация снизу". Правящий класс видел свою роль в просвещении народных масс, а также в борьбе против традиционного наследия, которое они считали причиной отсталости Кореи. Сторонники этого проекта модернизации полагали, что внедрение западных институтов позволит преодолеть отставание от западных стран. Одновременно корейское крестьянство стало важной политической силой, которая с помощью религии пыталась адаптировать национализм к реалиям государства Чосон. С одной стороны, высшему классу удалось усвоить достижения Запада, необходимые для модернизации, но с другой – их проект не имел опоры на народные массы. Крестьянству, напротив, удалось мобилизовать народные массы, однако они так и не смогли создать стабильных институтов национального государства, что было невозможно без западных достижений, носителями которых в основном был корейский правящий класс. В результате нехватка внутренних ресурсов для достижения победы одной из сторон или достижения консенсуса привело к тому, что каждая из них полагалась на внешние силы для решения проблем внутри страны, что в итоге привело к потере независимости.

"Неудачное" воплощение китайской модели государственности в традиционный период в Японии стало одной из главных причин успешной модернизации. В отличие от Китая и Кореи, разрушение традиционной социальной иерархии сёгуната Токугава не означало разрушение политической системы. Два центра власти с разными функциями в лице императора и Сёгуна удачно подходили для реализации европейской концепции нации. Оба политических центра были частью единого целого, но при этом организовывали общество

противоположным образом. Военная аристократия была символом социального неравенства, разделяя общество на социальные классы. В то время как император, находясь за пределами иерархии, являлся универсальным источником позитивной моральной мотивации (ритуальной чистоты), таким образом олицетворяя связь со всеми членами общества независимо от их социального положения. В результате Реставрации Мейдзи (1868 г.) императорское требование морального совершенства поменялось на требование национального единства и солидарности через борьбу против как внутренней отсталости, которую символизировал Сёгун, так и внешней угрозы в лице западных держав.

Внешняя экспансия и объединение региона в рамках Японской империи стало результатом комбинации внутренних и внешних факторов. Из-за недостатка внутренних ресурсов для сопротивления западным державам, а также внутреннего рынка для преодоления экономического кризиса, вызванного глобальной депрессией 1930-х г., через создание независимого экономического базиса, Японии необходимо было мобилизовать ресурсы других стран. Успешная по сравнению с другими странами региона модернизация стала доказательством морального преимущества над Китаем и Кореей, что послужило идеологическим оправданием для закрепления легитимности императорской власти внутри страны, а также реформирования Восточной Азии в рамках Японской империи. Например, японо-китайская война (1894–1895 гг.) стала одним из первых шагов по созданию нового модернизированного регионального порядка с центром не в Китае, а в Японии (*чукаку*), который достиг своей кульминации в провозглашении в 1940 г. "Великой восточноазиатской сферы процветания" [23, р. 133, 165].

Япония адаптировала китайскую модель тотальной власти к современным условиям. Подобно Китаю в традиционный период, этот механизм позволял Японии уже в рамках современности максимально использовать политический и экономический потенциал населения Империи. Для поддержания "гармонии" народы Империи иерархически распределялись в зависимости от степени их морального "совершенства". На вершине этой иерархии была "раса ямато" во главе с императором. В силу того, что "совершенство" были принципиально недостижимо, так как только Тэнно был символом абсолютной чистоты, то это позволяло рассматривать любые действия как отклонение от нормы, а значит произвольно применять любые санкции для приведения всего населения к необходимой "гармонии". Как говорил философ Фукудзава Юкити (1835–1901 гг.), в рамках концепции "тела нации" (*кокутай*) между императором и народом нет посредников [6, р. 94].

Япония не смогла решить противоречие между необходимостью расширения экономического базиса империи и растущим национализмом. Легитимность имперской власти в Японии зависела от её способности организовать эксплуатацию колоний и при этом поддерживать политическую стабильность в виде декларируемой социальной гармонии. Японская экспансия в Азии опиралась на ожидания внешней поддержки во внутренней борьбе за власть или в борьбе за национальную независимость. Однако предоставление независимости противоречило самой логике экспансии, так как это нарушало экономическую целостность колониальной империи. В ответ на растущее недовольство японским господством Империя реагировала усилением требований единства в рамках "паназиянизма". Это усиливало необходимость в дополнительных ресурсах и, следовательно, усилению эксплуатации для дальнейшего расширения Империи. В конечном итоге Япония не успевала компенсировать уменьшающиеся экономические и социальные ресурсы за счет освоения новых для защиты империалистических интересов на тихоокеанском театре Второй мировой войны, что привело к её поражению. При этом поражение Японии также означало неудачное завершение модернизации восточноазиатского традиционного порядка с опорой на собственное историческое наследие и последующую интеграцию региона в западные парадигмы развития.

Заключение

Данная работа была попыткой рассмотреть Восточную Азию как региональную цивилизацию, которая сформировалась в традиционный период в форме сложных взаимоотношений между китайской централизованной го-

сударственностью и соседними странами. Китайская государственность основывалась на принципе тотальной власти императора и её нейтрализации через неформальные институты. Эти два аспекта позволяли поддерживать динамическое равновесие всей политической системы, адаптируя её к внутренним и внешним изменениям. С одной стороны, тотальная власть, будучи неограниченной никакими нормами морали или законами, позволяла обеспечивать максимально возможную мобилизацию политического и экономического потенциала общества. С другой, механизм нейтрализации позволял адаптировать государственную политику к местным условиям. Усиление одного из аспектов лишало систему равновесия. Излишнее применение тотальной власти снижало адаптивность государства к внутренним и внешним изменениям. Активизация нейтрализующих процессов приводила к дезинтеграции экономической и политической целостности. Государственность Кореи и Японии формировалась как внешнее сопротивление китайской империи, через адаптацию её культуры к местным условиям. При этом обе страны пытались сохранить политическую автономию в рамках синоцентричного мира. Китайская модель централизованного государства вступала в противоречие с географическими и социальными особенностями двух стран, провоцируя уже внутреннее сопротивление Китаю.

Коммерциализация общественной жизни, усиление западного влияния, а также необходимость модернизации нарушали динамическое равновесие традиционного порядка Восточной Азии. Модернизация через формирование национального государства переносила требование морального совершенства с правителя в народ, что давало государству неограниченную свободу на проведение социальных экспериментов. Это разрушало механизм нейтрализации тотальной власти, так как теперь именно общество с его неформальными институтами становилось объектом принуждения к национальному единству. Японская империя стала первой попыткой модернизации традиционного порядка Восточной Азии, с опорой на принцип тотальной власти с целью максимального использования политического и экономического потенциала населения. Однако Япония не смогла решить противоречие между необходимостью расширения экономического базиса империи и растущим национализмом. Имперская тотальная власть не успевала компенсировать уменьшающиеся экономические и социальные ресурсы за счет эксплуатации новых территорий для защиты своих империалистических интересов в условиях военных действий, что привело к её поражению.

Литература

1. Кузнецов А. Концепты "культура" и "цивилизация" как средство проблематизации методологии современных социально-гуманитарных наук // *Философия и культура*. 2015. № 3 (87). С. 457–468.
2. Brown S. G. *Laws of Form*, 2nd ed. New York: Dutton, 1979. 141 p.
3. Chang H. J. *The East Asian Development Experience: The Miracle, the Crisis and the Future*. New York: Zed Books, 2007. 310 p.
4. Fei H. T. *China's Gentry. Essays in Rural-Urban Relations*. Revised and edited by Margaret. Park Redfield: University of Chicago Press, 1980. 289 p.
5. Fuchs E., Kasahara T., Saaler S. *A New Modern History of East Asia*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017. 698 p.
6. Gluck C., Tiedemann A. *Sources of Japanese Tradition. Part Two: 1868 to 2000*. New York: Columbia University Press, 2006. 672 p.
7. Goh E. *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia*. New York: Oxford University Press, 2013. 286 p.
8. Hayes L. D. *Political Systems of East Asia: China, Korea, and Japan*. London: Routledge, 2009. 288 p.
9. Hung H. *China and the Transformation of Global Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 224 p.
10. Luhmann N. *Social Systems*, Translated by John Bednarz Jr. (Stanford, CA: Stanford University Press, 1995). 627 p.
11. Maturana H. R., Varela, Francisco J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1980). 171 p.
12. Peng H. *Trade Relations between Qing China and Tokugawa Japan: 1685–1859*, (Singapore: Springer Nature, 2019). 176 p.

13. Rozman G. 'Flawed Regionalism: Reconceptualizing Northeast Asia in the 1990s,' // *Pacific Review*. 1998. Vol. 11, No. 1 Pp. 1–27.
14. Shirokogoroff S. M., *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner, 1935. 469 p.
15. Wells K. *Korea: Outline of a Civilization*. Leiden. Boston: Brill Academic Pub, Lam edition, 2015. 328 p.
16. Wittfogel K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
17. 網野善彦. 異形の王権. 東京: 平凡社. 1993年. 273頁. (Амино Ёсихико. Станный правитель. Токио: Хейбонся. 1993. 273 с.)
18. 勝部真長. 天皇制. 東京: 至文堂. 1970年. 278頁. (Кацубэ Митакэ. Система императорской власти Японии. Токио: Сибундо, 1970. 278 с.)
19. 金敬得. 在日コリアンのアイデンティティと法的地位. 東京: 明石書店. 2005年. 294頁. (Ким Гён Дык. Правовой статус и идентичность японских корейцев. Токио: Акаси Сётэн, 2005. 294 с.)
20. 栗原淑江. 被爆者たちの戦後50年. 東京: 岩波書店, 1999年. 65頁. (Курихара Тосиэ. 50 лет послевоенной истории "хибакуся" Токио: Иванами Сётэн, 1995. 65 с.)
21. 이재석. 한국 정치 사상사. 서울: 集文堂, 2002. 543頁. (Ли Чэ Сок. История политической мысли Кореи. Сеул: Чипмундан. 2002. 543 с.)
22. 水林 彪. 天皇制史論一本質・起源・展開. 東京: 岩波書店, 2006年. 374頁. (Мидзубаяси Такэси. История императорской системы: Сущность, происхождение, развитие. Токио: Иванами Сётэн, 2006. 374 с.)
23. 森吉義旭. 大和民族の前進. 東京: 国際反共連盟. 1942年. 304頁. (Мориёси Йосиаки. Продвижение расы Ямато. Токио: Издательство Антикоминтерновского союза, 1942. 304 с.)
24. 元木泰雄. 武士の成立. 東京: 吉川弘文館. 1994年. 225頁. (Мотоки Ясуо. Формирования военного сословия Токио: Ёсикава Кобункан, 1994. 225 с.)
25. 张创新. 中国政治制度史. 北京: 清华大学出版社. 2005. 591頁. (Чжан Чуан Син. История китайской политической системы. Пекин: Издательство Университета Циньхуа, 2005. 591 с.)
26. 邹小站. 辛亥革命与清末民初思想 (北京: 社会科学文献出版社. 2012. 456頁. (Чжоу Сяо Чжан. Синхайская революция и интеллектуальная история поздней Цин. Пекин: Издательство социальных наук, 2012. 456 с.)
27. 泉谷康夫. 律令制度崩壊過程の研究. 東京: 高科書店. 1992年. 473頁. (Ясуо Идзумия. О причинах разрушения системы рицурё. Токио: Такакина Сётэн, 1992. 473 с.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kuznetsov A. Kontsepty "kul'tura" i "tsivilizatsiya" kak sredstvo problematizatsii metodologii sovremennykh sotsial'no-gumanitarnykh nauk // *Filosofiya i kul'tura*. 2015. № 3 (87). S. 457–468.
2. Brown S. G. *Laws of Form*, 2nd ed. New York: Dutton, 1979. 141 p.
3. Chang H. J. *The East Asian Development Experience: The Miracle, the Crisis and the Future*. New York: Zed Books, 2007. 310 p.
4. Fei H. T. *China's Gentry. Essays in Rural-Urban Relations*. Revised and edited by Margaret. Park Redfield: University of Chicago Press, 1980. 289 p.
5. Fuchs E., Kasahara T., Saaler S. *A New Modern History of East Asia*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2017. 698 p.
6. Gluck C., Tiedemann A. *Sources of Japanese Tradition. Part Two: 1868 to 2000*. New York: Columbia University Press, 2006. 672 p.
7. Goh E. *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia*. New York: Oxford University Press, 2013. 286 p.
8. Hayes L. D. *Political Systems of East Asia: China, Korea, and Japan*. London: Routledge, 2009. 288 p.
9. Hung H. *China and the Transformation of Global Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 224 p.
10. Luhmann N. *Social Systems*, Translated by John Bednarz Jr. (Stanford, CA: Stanford University Press, 1995). 627 p.
11. Maturana H. R., Varela, Francisco J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1980). 171 p.
12. Peng H. *Trade Relations between Qing China and Tokugawa Japan: 1685–1859*, (Singapore: Springer Nature, 2019). 176 p.

13. Rozman G. 'Flawed Regionalism: Reconceptualizing Northeast Asia in the 1990s,' // Pacific Review. 1998. Vol. 11, No. 1 Pp. 1–27.
14. Shirokogoroff S. M., Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner, 1935. 469 p.
15. Wells K. Korea: Outline of a Civilization. Leiden. Boston: Brill Academic Pub, Lam edition, 2015. 328 p.
16. Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
17. 網野善彦. 異形の王権. 東京: 平凡社. 1993年. 273頁. (Amino Yosikhiko. Strannyj pravitel'. Tokio: Khejbonsya. 1993. 273 s.)
18. 勝部真長. 天皇制. 東京: 至文堂. 1970年. 278頁. (Katsubeh Mitake. Sistema imperatorskoj vlasti Yaponii. Tokio: Sibundo, 1970. 278 s.)
19. 金敬得. 在日コリアンのアイデンティティと法的地位. 東京: 明石書店. 2005年. 294頁. (Kim Gyon Dyk. Pravovoj status i identichnost' yaponskikh korejtsjev. Tokio: Akasi Syotehn, 2005. 294 s.)
20. 栗原淑江. 被爆者たちの戦後50年. 東京: 岩波書店, 199年. 65頁. (Kurikhara Tosieh. 50 let poslevoennoj istorii "khibakusya" Tokio: Ivanami Syotehn, 1995. 65 s.)
21. 이재석. 한국 정치 사상사. 서울: 集文堂, 2002. 543頁. (Li CHEh Sok. Istoriya politicheskoy mysli Korei. Seul: CHipmundan. 2002. 543 s.)
22. 水林 彪. 天皇制史論一本質・起源・展開. 東京: 岩波書店, 2006年. 374頁. (Midzubayasi Takehsi. Istoriya imperatorskoj sistemy: Sushhnost', proiskhozhdenie, razvitie. Tokio: Ivanami Syotehn, 2006. 374 s.)
23. 森吉義旭. 大和民族の前進. 東京: 国際反共連盟. 1942年. 304頁. (Moriyosi Josiaki. Prodvizhenie rasy Yamato. Tokio: Izdatel'stvo Antikominternovskogo soyuza, 1942. 304 s.)
24. 元木泰雄. 武士の成立. 東京: 吉川弘文館. 1994年. 225頁. (Motoki Yasuo. Formirovaniya voennogo sosloviya Tokio: Yosikava Kobunkan, 1994. 225 s.)
25. 张创新. 中国政治制度史. 北京: 清华大学出版社. 2005. 591頁. (CHzhan CHuan Sin. Istoriya kitajskoj politicheskoy sistemy. Pekin: Izdatel'stvo Universiteta Tsin'khua, 2005. 591 s.)
26. 邹小站. 辛亥革命与清末民初思想 (北京: 社会科学文献出版社. 2012. 456頁. (CHzhou Syao CHzhan. Sinkhajskaya revolyutsiya i intellektual'naya istoriya pozdnej Tsin. Pekin: Izdatel'stvo sotsial'nykh nauk, 2012. 456 s.)
27. 泉谷康夫. 律令制度崩壊過程の研究. 東京: 高科書店. 1992年. 473頁. (Yasuo Idzumiya. O prichinakh razrusheniya sistemy ritsuryo. Tokio: Takasina Syotehn, 1992. 473 s.)

Пахомов О. С. Восточная Азия как региональная цивилизация.

Целью статьи является рассмотрение Восточной Азии как региональной цивилизации, устойчивые свойства которой сформировались в результате сложных отношений к китайской государственности. Заимствование китайской политической системы входило в противоречие с природными и культурными особенностями Кореи и Японии. Это создавало угрозу легитимности институтам государства, созданным по китайском образцу. Необходимость поддерживать внутреннюю легитимность императорской власти вынуждало Китай расширяться вовне, а Корею и Японию сопротивляться китайскому влиянию. В результате, это противоречие определяло реальность Восточной Азии в традиционный период, а также логику перехода к современности.

Ключевые слова: *Восточная Азия, цивилизация, регионализм, системный подход*

Pakhomov O. S. East Asia as Regional Civilization.

This work examines East Asia as regional civilization that developed in form of complex relations towards Chinese model of centralized state. Adoption of Chinese statehood came into contradiction with Korean and Japanese local conditions. This produced risks for internal political legitimacy of statehood in both countries. Necessity to preserve internal legitimacy encouraged external expansion of Imperial China and forced Korea and Japan to resist Sinocentric order. This contradiction defined reality of East Asian civilization during traditional period, influenced its transition to modernity.

Key words: *East Asia, civilization, regionalism, system approaches*

Для цитирования: Пахомов О. С. Восточная Азия как региональная цивилизация // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 44–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/44-53

For citation: Pakhomov O. S. East Asia as Regional Civilization // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 44–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/44-53

